

А. Лаврин

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) — русский поэт.

Маяковский начинал как яркий представитель русского футуризма, а в конце жизни превратился в певца строительства коммунизма. Он хотел «быть в струе», но пик его популярности давно миновал. На его вечерах стали зевать, а то и посвистывать.

Анатолий Мариенгоф рассказывает об одном из последних публичных выступлений поэта перед студентами-экономистами. «Маяковский закинул голову:

— А вот, товарищи, вы всю жизнь охать будете: «При нас-де жил гениальный поэт Маяковский, а мы, бедные, никогда не слышали, как он свои замечательные стихи читал». И мне, товарищи, стало очень вас жаль... Кто-то крикнул:

— Напрасно! Мы не собираемся охать! – Зал истоиво захохотал...

— Мне что-то разговаривать с вами больше не хочется. Буду сегодня только стихи читать...

И стал хрипло читать:

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем говне,
Наших дней изучал потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне...

— Правильно! В этом случае обязательно спросим! – кинул реплику другой голос...

Маяковский славился остротой и находчивостью в полемике. Но тут, казалось, ему не захотелось быть находчивым и острым. Еще больше нахмуря брови, он продолжал:

Профессор,
снимите очки– велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз...

— Правильно! Ассенизатор!

Маяковский выпятил грудь, боево, по старой привычке, засунул руки в карманы, но читать стал суше, монотонней, быстрее.

В рядах переговаривались.

Кто-то похрапывал, притворяясь спящим. А когда Маяковский произнес: «Умри, мой стих...» — толстощекий студент с бородкой нагло гаркнул:

— Уже подход! Подход!»

Творческий кризис, отторжение от читателей стало одной из причин, толкнувших Маяковского к самоубийству. Другой равнозначной причиной, по мнению биографов, были неустроенность личной жизни.

12 апреля 1930 года, за два дня до смерти, он написал прощальное письмо:

«Всем

В том, что умираю, не вините никого, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля, люби меня. Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.
Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят —
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась в быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/IV– 30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно — ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2000 рублей — внесите в налог. Остальное получите с Гиза.

В. М.»

Маяковский, написав это письмо, два дня еще оттягивал роковой поступок. Накануне дня смерти он посетил вечеринку у Валентина Катаева, где встретился с Вероникой Полонской.

«Обычная московская вечеринка. Сидели в столовой. Чай, печенье. Бутылки три рислинга...» Маяковский, по воспоминаниям Катаева, был совсем не такой, как всегда. Не эстрадный, не главарь. Притихший. Милый. Домашний.

Его пытались вызвать на борьбу остроумия молодые актеры Борис Ливанов и Яншин, но Маяковский отмалчивался.

«Память моя, — пишет Катаев, почти ничего не сохранила из важнейших подробностей этого вечера кроме большой руки Маяковского, его нервно движущихся пальцев — они были всё время у меня перед глазами, — которые машинально погружались в медвежью шкуру и драли ее, скубали, вырывая пучки сухих бурых волос, в то время как глаза были устремлены через стол на Нору Полонскую — самое последнее его увлечение, — совсем молоденькую, прелестную, белокурую, с ямочками на розовых щеках, в вязаной тесной кофточке с короткими рукавчиками, что придавало ей вид скорее юной спортсменки... чем артистки Художественного театра вспомогательного состава...

С немного испуганной улыбкой она писала на картонках, выломанных из конфетной коробки, ответы на записки Маяковского, которые он жестом игрока в рулетку время от времени бросал ей через стол...

Картонные квадратики летали через стол над миской с вареньем туда и обратно. Наконец конфетная коробка была уничтожена. Тогда Маяковский и Нора ушли в мою комнату. Отрывая клочки бумаги от чего попало, они продолжали стремительную переписку, похожую на смертельную молчаливую дуэль.

Он требовал. Она не соглашалась. Она требовала — он не соглашался. Вечная любовная дуэль.

Впервые я видел влюбленного Маяковского. Влюбленного явно, открыто, страстно. Во всяком случае, тогда мне казалось, что он влюблен. А может быть, он был просто болен и уже не владел своим сознанием...».

Маяковский ушел от Катаева в третьем часу ночи. Надевая пальто, он хрипло кашлял.

— А вы куда? — спросил Катаев почти с испугом.

— Домой, — ответил Маяковский.

— Вы совсем больны. У вас жар! Оставайтесь, умоляю. Я устрою вас на диване.

— Не помещусь.

— Отрублю вам ноги, – попытался состричь Катаев.

— И укроете меня энциклопедическим словарем «Просвещение», а под голову положите чернильный прибор вашего дяди-земца?.. Нет! Пойду лучше домой. На Гендриков.

— Кланяйтесь Брикам, – сказал тогда Катаев. – Попросите, чтобы Лиля Юрьевна заварила вам малины.

Нахмурившись, Маяковский ответил, что Брики в Лондоне.

— Что же вы один будете там делать?

— Искать котлеты. Пошарю в кухне. Мне там всегда оставляет котлеты наша рабыня. Люблю ночью холодные котлеты.

Катаев пишет, что в этот момент он почувствовал, как одиноко и плохо Маяковскому. Прощаясь, продолжает Катаев, он «поцеловал меня громадными губами оратора, плохо приспособленными для поцелуев, и сказал, впервые обращаясь ко мне на “ты” — что показалось мне пугающе-странным, так как он никогда не был со мной на “ты”:

— Не грусти. До свиданья, старик».

По воспоминаниям Полонской, Маяковский был в тот вечер груб, несдержан, откровенно ревнив.

Ночью, проводив Яншина и Полонскую до Каланчевки, Маяковский отправился в Гендриков переулок. До утра он не спал, а утром на заказанной машине в половине девятого заехал за Полонской, чтобы отвезти ее на репетицию в театр.

По дороге он начал говорить о смерти, на что Полонская просила его оставить эти мысли. По ее словам, поэт ответил: «...Глупости я бросил. Я понял, что не смогу этого сделать из-за матери. А больше до меня никому нет дела».

До театра заехали в комнату Маяковского на Лубянке. Началось очередное «выяснение отношений». Маяковский нервничал, требовал ясно и определенно ответить на все его вопросы, чтобы решить все раз и навсегда. Когда Полонская напомнила, что опаздывает на репетицию, Маяковский взорвался.

— Опять этот театр! Я ненавижу его, брось его к чертям! Я не могу так больше, я не пущу тебя на репетицию и вообще не выпущу из этой комнаты!

«Владимир Владимирович, – вспоминает о дальнейшем Полонская, – быстро заходил по комнате. Почти бегал. Требовал, чтоб я с этой же минуты осталась с ним здесь, в этой комнате. Ждать квартиры нелепость, говорил он.

Я должна бросить театр немедленно же. Сегодня же на репетицию мне идти не нужно. Он сам зайдет в театр и скажет, что я больше не приду.

...Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас. Я по-человечески люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так.

И театра я не брошу и никогда не смогла бы бросить... Вот и на репетицию я должна и обязана пойти, и я пойду на репетицию, потом домой, скажу все... и вечером перееду к нему совсем.

Владимир Владимирович был не согласен с этим. Он продолжал настаивать на том, чтобы все было немедленно или совсем ничего не надо. Еще раз я ответила, что не могу так...

Я сказала: “Что же вы не проводите меня даже?”

Он подошел ко мне, поцеловал и сказал совершенно спокойно и очень ласково:

“Нет, девочка, иди одна... Будь за меня спокойна...” Улыбнулся и добавил:

“Я позвоню. У тебя есть деньги на такси?”

“Нет”.

Он дал мне 20 рублей.

“Так ты позвонишь?”

“Да, да”.

Я вышла, прошла несколько шагов до парадной двери.

Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти.

Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решила войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди его было крошечное кровавое пятнышко.

Я помню, что бросилась к нему и только повторяла бесконечно:

— Что вы сделали? Что вы сделали?

Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые...

Набежал народ. Кто-то звонил, кто-то мне сказал:

— Бегите встречать карету скорой помощи!»

Маяковский выстрелил в себя в 10.15 утра. В 10.16 станция скорой помощи приняла вызов, в 10.17 машина с медиками выехала. Когда Полонская спустилась во двор, машина уже подъезжала. Но врачи могли только констатировать летальный исход.

Следователь Сырцов, начавший расследование смерти поэта, в тот же день заявил для печати, что самоубийство Маяковского произошло по «причинам сугубо личного порядка, не имеющим ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта».

В 1990 году, по возникшей у нас моде пересматривать известные смерти, журналист Владимир Молчанов представил в телепрограмме «До и после полуночи» сюжет, поставивший под сомнение классическую версию гибели Маяковского.

Была показана фотография погибшего поэта, где кровь расплылась по рубашке над сердцем, а справа на груди то ли сгустилась тень, то ли отпечаталось какое-то пятно. Именно из-за этого пятна Молчанов предположил, что мог быть и другой выстрел, оставивший рану в области правого виска, из которой на рубашку пролилась кровь. К тому же, как указала соседка Маяковского М. Татарийская, у поэта было два револьвера...

Со статьей-опровержением версии об убийстве в «Литературной газете» выступил В. Радзишевский. В частности, он писал:

«Скучно повторять, что раны в правом виске не было. Иначе ее непременно увидели бы Н. Денисовский и А. Губанова; скульпторы К. Луцкий и С. Меркуров, снимавшие посмертные маски; профессора из Института мозга, бравшие мозг поэта на исследование; медики, бальзамировавшие тело под руководством профессора Остроумова; эксперты, проводившие вскрытие; наконец, художники, рисовавшие Маяковского в гробу».

Выступление Радзишевского не помешало появлению новых публикаций на тему убийства.

Например В. Скорятин реконструировал события таким образом:

«Теперь представим, Полонская быстро спускается по лестнице. Дверь в комнату поэта открывается. На пороге — некто. Увидев в его руках оружие, Маяковский возмущенно кричит... Выстрел. Поэт падает. Убийца подходит к столу. Оставляет на нем письмо. Кладет на пол оружие. И прячется затем в ванной или в туалете. И после того как на шум прибежали соседи, черным ходом попадает на лестницу. С Мясницкой, свернув за угол, попадает на Лубянский проезд».

По мнению Скорятина, убийцей был сотрудник ГПУ Я. Агранов. Другой «исследователь», некто А. Колосков, ухитрился даже обвинить в убийстве Маяковского Веронику Полонскую.

Поставил точку в затянувшемся споре, на мой взгляд, судебно-медицинский эксперт А. Маслов. Он рассказал о криминалистической экспертизе рубашки, которая была на поэте в момент выстрела и которую Л.Ю. Брик в 1950-е годы передала в Государственный музей В.В. Маяковского.

«Вернее, — уточняет Маслов, — были переданы две половины рубашки: бежево-розового цвета парижская рубашка из хлопчатобумажной ткани от ворота до низа разрезана ножницами». Память не подвела Денисовского, который полвека спустя рассказывал: «Мы его положили на тахту. Уже рубашку снять с него было нельзя. Он уже

застыл. Нам пришлось разрезать ее». На левой стороне передней поверхности рубашки имеется одно сквозное повреждение округлой формы размером 6x8 мм. Результаты микроскопического анализа, форма и размер повреждения, состояние его краев, дефект ткани («минус»-ткань) позволили сделать вывод об огнестрельном характере входного отверстия, возникшего от выстрела единичным снарядом. Чтобы определить, собственной или посторонней рукой причинено огнестрельное повреждение, необходимо установить дистанцию выстрела.

В судебной медицине и криминалистике принято различать три основные дистанции: выстрел в упор, при котором дульный срез упирается в тело или одежду, выстрел с близкого расстояния и выстрел с неблизкого (дальнего) расстояния. Если 14 апреля 1930 года в комнате Маяковского выстрел был произведен с дальней дистанции — стрелял не Маяковский.

Перед специалистами стояла непростая задача — по следам на рубашке установить дистанцию выстрела, прозвучавшего свыше 60 лет назад. Выстрелы с разных дистанций характеризуются особыми признаками, прежде всего в окружности входного отверстия. Наличие линейных повреждений крестообразной формы свидетельствует, что выстрел был сделан в упор, так как именно крестообразные разрывы возникают от действия отражаемых от преграды газов в момент разрушения ткани снарядом...

Выявленная при контактно-диффузном методе картина распределения сурьмы вокруг повреждения на рубашке позволила уточнить, что выстрел был произведен «с дистанции боковой упор в направлении спереди назад и несколько справа налево почти в горизонтальной плоскости».

Подобная картина характерна для причинения повреждения собственной рукой. Так и стреляют в себя. О выстреле же «с порога» и говорить не приходится.

Вопреки бытовавшему мнению, что Маяковский стрелял в сердце, держа оружие в левой руке, теперь очевидно, что оружие было в правой руке...

Высказывались предположения, особенно настойчиво по Ленинградскому (ныне Санкт-Петербургскому) телевидению, что после выстрела Маяковский упал лицом вниз. Однако небольшие размеры кровавого пятна на рубашке свидетельствуют, что оно «образовалось вследствие одномоментного выброса крови из раны» без последующего ее натекания. Значит, сразу после выстрела Маяковский лежал лицом вверх. «...Он смотрел прямо на меня...» — запомнила В. Полонская».

Современники поэта по-разному оценивали его гибель. Одни относили это к роковой случайности, другие указывали на строки его стихов, намекавшие на подобный исход, а Л.Ю. Брик написала, что причиной ухода Маяковского из жизни была «своего рода мания самоубийства и боязнь старости».